

И. Е. Абрамов

ЖИЛА-БЫЛА ДЕРЕВНЯ КАМЛЮГА

*Ч*етверть века назад довелось мне попасть в больницу. В палате моим соседом по койке оказался глубокий старик Иван Ефимович Абрамов, уроженец деревни Камлюга (с ударением на последнем слоге) Ярковского района. По моей просьбе он рассказывал о жизни до и после 30-х гг. XX века. Его рассказ я записал. Полагаю, он будет интересен современным историкам и любителям старины.

А. С. Иваненко

ТОБОЛЬСКИЕ ВОЕВОДЫ

1. п. г. **Чулков Данила Данилович** (1587–1588), (ок. 1550 – ок. 1600), основатель Тюмени и Тобольска. Происходил из старинного рода рязанских бояр. Отец в головах участвовал в походах на Астрахань и Крым. Д. Д. Чулков в 1585–1586 служил головой в Рязске, откуда отозван в Москву и послан в Сибирь. Вместе с В. Б. Сукиным и И. Н. Мясным заложил Тюмень; год спустя им был построен Тобольск. В конце 1580-х выборный дворянин по Туле с окладом 500 четвертей, находился в тюрьме (согласно допущению В. И. Корешко-го, как сторонник

Историческая справка

Казенная деревня Камлюга находилась в 2,5 км к северу от села Караульный Яр и в 1,5 км правее старого тракта от Иевлево до Байкалово. В 1889 г. в ней было 40 дворов, жило 126 душ мужского пола и 135 — женского, всего 261 человек. Имелась православная часовня.

В 1912 г. в Камлюге были часовня, две торговые лавки, 67 крестьянских дворов, в них проживало всего 359 человек, среди них мужчин — 174 и женщин — 185.

В 1921 г. в деревне насчитывалось 65 дворов самостоятельных хозяев, проживал 441 человек, из них 221 мужчина и 220 женщин. Деревня имела 177 десятин пахотной земли, 92 десятины сенокоса, 269 десятин выгонов. В деревне были часовня, хлебозапасный магазин¹, школа грамоты, торговые лавки, водяная мельница, две кузницы, пожарный сарай.

В 1928 г. в Камлюге было 89 хозяйств, население 476 чел., в т.ч. 223 мужчины и 253 женщины. Жили здесь русские и 4 немца, видимо военнопленные, оставшиеся после Первой мировой войны 1914–1918 годов.

В начале 60-х гг. XX в. Камлюга попала в число «неперспективных» деревень и жителей переселили в село Караульный Яр и другие поселения.

Деревенские обычаи

Две речки — Нерда́ и Камлю́га — текут неподалеку друг от друга к Тоболу. У Камлюги берега низкие, болотистые. Деревня Камлюга была большая, богатая, дружная. В центре стояла часовня для тех, кто не мог ходить в церковь в селе Караульный Яр. Рядом с часовней было так называемое «общественное место», где устраивали сходки, гуляли, там же всегда лежали гири разной тяжести для развлечения молодежи. Бывали танцы по субботам, а летом — только в Троицу, Петров день. Пели песни, бывало, дрались в праздники по пьянке. Старики быстро мири-

¹ Хлебозапасные магазины (склады) действовали в Сибири для обеспечения населения резервным запасом продовольствия.

ли всех. Государственной водки было мало, в основном «сидели» самогон, но немного, за него еще до коллективизации милиция гоняла. При царской власти парни до 18 лет штанов не носили, ходили в длинных холстяных рубахах, как женщины. Если парень до 18 лет начинал носить штаны, он считался взрослым и его облагали податью² как взрослую «мужскую душу». Поскольку подать платить никто не спешил, то и штаны надевать не торопились, даже если парням хотелось. Родители смотрели строго.

Церкви были в Караульном Яру — деревянная и каменная. Деревянная сгорела при колчаковцах, а вместе с ней и метрические книги, и другие дела. После было много беспокойства из-за возраста людей, выправки документов.

Вся власть в деревне находилась в руках старосты³. Он же наказывал редких провинившихся, сажая их на несколько суток в «гужанку» — пустой амбар. Но это случалось редко, т. к. попасть в «гужанку» считалось позором.

Воровства практически не было. Если кто-либо соблазнялся на чужое и его находили, то навешивали на плечи и шею весовые гири с мельницы по паре пудов⁴ и водили по улицам на позор. Бывало, возят с поля снопы и уронят один-два. Кто ехал следом, клал снопы на обочину узлом перевясла вверх. По узлу (вязал каждый по-своему) их узнавал хозяин и забирал. Лошадей воровали только цыгане с тракта, татары этим делом не занимались никогда.

Да и многие были в родстве друг с другом, женились — брали девок обычно из своей деревни. Так что воровать было стыдно, все друг друга знали.

Утром всем в доме работы давал старший в семье — старый дедушка: кому в лес, кому молотить, кому пахать, прясть и все прочее.

В деревне был хлебозапасный магазин. Там хранили зерно, собранное в деревне с каждого двора понемногу. Это на случай несчастья, стихийного бедствия. Из него давали на еду и посев бедным и пострадавшим. Магазин (мангазея) был двухэтажный, из хорошего сухого леса. Амбары (ссыпки) строили очень тщательно, бревна подгоняли плотно друг к другу и клали без моха и пакли, чтобы не заводились клещи. Зерно собирали сухое и чистое, оно хранилось отдельно по культурам.

Все рыбачили. Рыбы было много, всем хватало, запретов на лов не было. Вблизи деревни, у Тобола, было озеро-старица. В сентябре, собравшись по 10–12 человек, мужики ловили разную рыбу в Тоболе неводом и спускали в озеро. Это в запас. Из озера в Тобол была прокопана канава, а в ней — запор⁵. После ледостава по канаве спускали воду, рыба шла за ней, тут ее ловили и делили поровну на всех пайщиков.

**Мельницы
в Ялуторовском
езде. 1912**
Фото М. С. Прокудина-Горского

ТОБОЛЬСКИЕ ВОЕВОДЫ

Шуйских, что маловероятно), направлен в Новгород для участия в походе на шведов, затем являлся тульским осадным головой (1590/91 г.). Лит.: Скрынников Р. Г. Сибирская экспедиция Ермака. 2-е изд., испр. и доп. Новосибирск, 1986. Я. Г. Солодкин

² Подать — форма налогообложения.

³ Староста — выборное должностное лицо крестьянского общественного управления во второй половине XIX — начале XX вв. Избирался сельским сходом, обладал ограниченной административно-полицейской властью.

⁴ Пуд — мера веса в царской России, равная современным 16 кг.

⁵ Запор — сооружение из лозы и тонких деревянных шестов для ловли. Мелкая рыба уходила сквозь перегородку, крупная задерживалась у препятствия.

**ТОБОЛЬСКИЕ
ВОЕВОДЫ**

2. кн. **Кольцов-Мосальский Владимир Васильевич** (1588–1590), (ок. 1550 – ок. 1608), князь, тобольский воевода в 1588–90. В 1580 был послан против «литвы» во Ржев, затем воеводствовал в Орле и Пронске. В 1586 основал Ливны, по возвращении в Москву был назначен в Болхов. Во вр. воеводства в Тобольске разбил отряды Кучума на р. Ишиме, у оз. Чиликуль, пленив сына и двух жен сиб. хана. В 1591 в головах, подчиненных Борису Годунову, находился под Москвой, к к-рой подошли крымцы, и «для донецкой службы» был направлен в Данков. Вскоре выступил против шведов к Пскову, следом воеводствовал в Ивангороде. В 1594 «ставил» Кромы, в 1595 вместе с казаками и стрельцами отправился строить г. на Яике. С 1598 — окольныйничий. В том же г. участвовал в серпуховском походе царя

Земледелие

Деревня Камлюга была земледельческая. Земля вокруг бедная, урожаи небольшие. Без навоза поля зарастали осотом. Надо было весь навоз запахивать. Вывозили из хлевов все подчистую. Малосильные объединялись по два-четыре двора, вывозили по очереди. Потом запахивали. Делали это в паровом поле между посевной и сенокосом.

Хлеб ели в основном ржаной, пшеничный — только к праздникам да иногда к воскресенью квашню ставили. Чтобы хлеб был хорош, зерно отбирали лучшее. Зимой в мороз ехали с намолоченным зерном на реку, расчищали от снега лед и там веяли на ветру. Ближе упавшее зерно — лучшее — отбирали отдельно и чистили его снегом от черных спор твердой головни, которые набивались в бороздки. Зерно смешивали со снегом, ходили по нему, а потом отвевали на ветру от снега. В мороз зерно было холодное, снег не таял, и зерно оставалось сухим. Его мололи отдельно и берегли муку для белого хлеба. Зерно с головистыми спорами давало синеватую муку, и хлеб из нее был невкусным.

До колхозов не было случая, чтобы кто-либо оставлял несжатый хлеб под снег. Такого бы хозяина сразу засмеяли, дали бы обидную кличку на всю жизнь. Нанимали работников, но сжинали все дочиста. Жали серпами. Это тяжелая работа, все время внаклон. Спине доставалось так еще.

Сжатый хлеб осенью не молотили. Сухие снопы укладывали в «клади» (скирды) и укрывали прошлогодней соломой от непогоды. Ставили скирды не на землю, а на настилы, поднятые над землей на столбиках примерно на полметра, чтоб под клади не подрывались свиньи и не заводились мыши. Настил делали из жердей, по ним стелили рогожи, старую солому. Перед обмолом снопы сушили на овинах, особенно рожь: она без сушки плохо вымолачивалась под цепом. Пшеница в мороз хорошо обмолачивалась и без сушки.

**Крестьяне в поле.
Обед. 1912**
Фото С. М. Прокудина-Горского

Иногда молотили «молотягой» — на лошади таскали по расстеленным на току снопам толстый обрубок дерева с набитыми шишками. Под хвост лошади привязывали мешок для сбора помета, для мочи держали наготове ведро. Молотили на ледяных токах, их заливали на ровном месте в начале зимы. Земляных токов не делали, чтоб в зерне не было песка и пыли. А то хлеб будет хрустеть на зубах. Тогда зерно перед размолом не мыли, как это делают теперь.

Растили лен и коноплю, из семян били масло. Семена созревали хорошо, сеяли своими семенами.

Ремесла

Единичные семьи в деревне не хотели работать на земле. Они сдавали ее в наем (аренду), а сами рыбачили, охотились, ходили на парходах вниз к Тоболу. Зимой многие занимались извозом. Из Тобольска возили в Тюмень рыбу, а из Тюмени — железо, мануфактуру⁶, сахар и всякое другое.

Из отдельных ремесел в Камлюге было только кузнечное. Это не всякий умел. Остальное все крестьяне делали сами. Каждый мужчина был плотник, столяр, шорник и любую другую работу делать умел. Многие мужчины могли прясть, но обычно пряли из конопли нитки для сетей и для грубого полотна на верхнюю одежду. Женщины пряли тонкую пряжу для холстов, из которых шили нижнее белье, ткали скатерти, полотенца. Полотна надо было наткать много, т. к. семьи были большие — до 18 человек в доме разного возраста и пола.

Многие мужчины и холостые парни ходили по найму на ремонт мостов по Тобольскому тракту. Пилили бревна продольной («маховой») пилой пополам для настила.

Богатей Абрамов

В Камлюге жил очень богатый крестьянин Абрамов. У него еще была вторая, «деревянная», фамилия — Курамышев, его и так звали. Он имел на Нерде хорошую водяную мельницу на чetyре постава. И молотье приезжали крестьяне от самой деревни Иевлевой. Это довольно далеко.

Торговал он и рыбой. В Нерде ее много было. Зимой в «загар» (замор)⁷ рыба собиралась к плотине, где было во льду «окно». Ее ловили, морозили и продавали. Хозяин знал, когда какая рыба пойдет к плотине: она шла по очереди, в зависимости от устойчивости к «загару».

Абрамов был очень богат, но добр. К наемным работникам относился хорошо. Утром к нему приходили, кто хотел поработать, и он всех кормил в доме за длинным столом, а сам смотрел, кто как ест. Кто ел плохо, тому после завтрака говорил, чтоб шел домой, т. к. из плохого едока плохой работник, а работа у него тяжелая. Платил хорошо, не обижались на него.

ТОБОЛЬСКИЕ ВОЕВОДЫ

Бориса, сопровождал его в Троице-Сергиев мон., послался с жалованием детям боярским в северские г., после чего служил в Новосили и Ливнах. В 1599 основал Валуйки, позднее находился у обзора рус. войск на р. Оке в ожидании нападения татар, воеводствовал в Чернигове, Астрахани и Терском г. Одним из немногих спасся во время похода на Тарки, отойдя с запасами в Койсу. Осенью 1606 был разбит болотниковцами на пути к Серпухову, потом сражался на Пахре под началом М. В. Ско-

⁶ Мануфактура — промышленные товары: ткань, различные предметы одежды.

⁷ Замор — особенное состояние воды в сибирских реках зимой. Местные жители полагали, что вода в это время «замирает» или «горит», отсюда название этого явления («замор, загар»). В такой период вода делается мало-прозрачной, невкусной, дает осадок, становится вредной для питья. Рыба перемещается к ключам, где вода свежая, ключевая, и подходит к «окошкам» на поверхности, не занятым льдом.

ТОБОЛЬСКИЕ ВОЕВОДЫ

пина-Шуйского. От царя Василия получил боярское звание. Имел сыновей Ивана, Андрея и Григория. Владел поместьем в Подмоскowie, обширными родовыми землями в Мосальском и Медынском у. Лит.: Смирнов И. И. Восстание Болотникова: 1606–1607. М., 1951; Тюменцев И. О. Смута в России в нач. XVII столетия: движение Лжедмитрия II. Волгоград, 1999.

Я. Г. Солодкин

В начале 30-х гг. Абрамова раскулачили и сослали куда-то на север, назад он не вернулся. Мельницу взяли в колхоз, но из-за плохого присмотра она часто ломалась. Остался один постав, а потом снесло и плотину...

Первые колхозы

После мятежа 1921 г. стали делить землю. Сначала давали только на мужскую «душу», как при царе, но вскоре отмерили и на женщин. До этого они были «бездушные». Кому земли было мало, арендовали у татар соседней деревни Шатановой, которые почти не занимались землей. Татары ходили по деревням пилить доски, охотились, рыбачили. Это были люди смиренные, спокойные.

Так жили до 1929 года. Тут стали раскулачивать всех, кто хорошо жил. А жил хорошо потому, что хорошо работал с детства и умел организовать хозяйство. Колхоз создали — «Красный Север». Первый председатель был активист, из бедняков. Он не умел хозяйствовать. Постепенно почти все дома и постройки раскулаченных продали в Шатановку: татары скупили, у них председатель был мужик деловой. И скота они скупили много. А у нас при раскулачивании много имущества поломали. Потом стали постройки раскулаченных пилить на дрова для топки зерносушилки. Хотя лес рядом с деревней, и дрова там можно было заготовить всегда. Так кулацкое имущество и пропало без толку, прахом.

На Урал, на Губаху (золотые прииски), многих мужиков сослали. Это плохо сделали наши правители, что такой народ раскулачили. Добрые работники были, жили богатыми семьями, друг возле друга учились работать. У них ничего не пропадало ни в поле, ни во дворе.

Голод был в 1933–1934 годы. С землей в колхозе обращались плохо. Навоз перестали весь запахивать, поля заросли. К скоту тоже относились неважно. Стало не хватать сена, хотя раньше доставало всем: луга на Тоболе большие и сена ставили много. Без корма много скота подошло уже весной 1930 года.

Ведь тех, кто умел со скотом обращаться, держал его много, угнали на север, куда-то на острова, там высадили без ничего — без хлеба, без снастей... Пропало много народу...

Работали за трудодни. Вначале рассчитывали за трудодни ежедневно. Ходили получать когда тарелку муки, когда крупы — что колхоз доставал для прокормления колхозников.

**Местечко Вершина
у г. Тобольска
1912**
Фото М. С. Прокудина-Горского

Ели липовый лист, клевер, копали луковицы лилии-саранки, стебли борщевика («кучки») и прочую траву. До этого такой голод был только в 1921 году. К нам в деревню приезжали со стороны Тюмени люди менять коней и вещи на хлеб. У кого его было много, нажились хорошо на людском горе. Но их скоро раскулачили и сослали...

**Ембаевские юрты
близ Тюмени
1912**

Фото С. М. Прокудина-Горского

Я, Иван Абрамов

Мой отец Ефим был троюродным братом богатея Абрамова, но мы с ним мало общались, не роднились. С 16 лет я ходил с отцом на ремонт мостов по тракту. Все заработанные деньги отдавал отцу (у нас в деревне говорили «тятеньке» и «маменьке»). Никаких карманных денег не было до женитьбы. Все покупали родители.

Я родился в 1909 г., в 1929 женился на ровеснице из Камлюги, и мне пора пришла идти в армию. Однако отца раскулачили, хотя мы не были кулаками, но жили неплохо, своим трудом, наемных рабочих не имели. Отца и маму, двух младших братьев сослали в Губаху, там отец помер, а мама и братья вернулись. Меня взяли в армию только в 1932 г., но определили в трудовые ополченцы, где все были такие, как я — дети раскулаченных, попов и прочих. Оружия нам не давали, но мы строили гражданские и военные объекты на границе, в Хабаровске-2. Народ был грамотный, быстро понимал чертежи, любое дело. Три года я там служил. Потом, говорили, Калинин попросил у Сталина вернуть нам при выпуске из ополчения гражданские права. Я вернулся в колхоз.

Мой старший брат Семен женился прежде меня и жил отдельно. Его в 1937 г. забрали по линии НКВД, осудили на десять лет, и он не вернулся⁸. Куда делся — никто не знает. Тогда в деревне каждый шестой человек исчез. Забирали прямо дома, едва с поля возвращались. Давали час на сборы. Стариков брали, даже таких, кто сам в полторку залезть не мог от старости. Всех куда-то увезли.

Тогда посадить могли просто так. Кто кого хотел, того и сажал. Забирали быстро. Никто не проверял наговоров. Раньше все были люди как люди, жили мирно, а тут вдруг стали врагами народа. По деревне пошли раздоры, обиды, споры...

Старуха моя жива до сих пор. Нам с нею по восемьдесят... Чего только не пережили... Детей вырастили. У нас было два сына и две дочери.

⁸ Во втором томе «Книги расстрелянных», составленной Р. С. Гольдбергом, на с. 183 есть запись о старшем брате Ивана Абрамова Семене: «Абрамов Семен Ефимович, 1906 г. рожд., д. Камлюга, ныне Яркоковского района. Крестьянин. Арестован 25.10.1937 г., осужден «тройкой» Омского УНКВД 04.11.1937 г. Расстрелян в Тобольске 10.11.1937 г. Реабилитирован 30.12.1956 г.» О том, что его брат не осужден и сослан, а расстрелян и реабилитирован в 1956 г., Иван Ефимович не знал даже в 1988 г., когда мы с ним познакомились в больничной палате.